

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

I. Динамика культурной идентичности
в глобальном контексте

Для современного гражданина термин «глобализация» обозначает усложняющуюся систему *взаимозависимостей* как в экономической, так и в социокультурной сфере. В отличие от прошлых веков, человек и сообщество сталкиваются с *глобальной* реальностью постоянно взаимодействием — процессом, который постоянно ускоряется вследствие высокого темпа развития информационных технологий и приводит к масштабным антропологическим последствиям². Очевидно, что в таких обстоятельствах суверенное национальное государство (как крупное, так и небольшое, как могущественное, так и не оказывающее особого влияния) не может продолжать действовать в качестве строго обособленной единицы, что из-за многоаспектной природы глобализации соотношение сил между государствами стало гораздо более динамичным, но в то же время и более хрупким и непредсказуемым.

При первом приближении эти процессы можно описать с помощью двух различных закономерностей, которые свидетельствуют о движении в сторону культурного единообразия, частично совпадают и взаимно усиливают друг друга.

1. В контексте глобальной взаимосвязанности сильнейшая из культур за счет экономического, технологического и военного превосходства, как правило, стремится доминировать в «жизненных мирах» (термин Гуссерля)³ относительно слабых сообществ. Эта тенденция привела к повсеместному возникновению *гибридных культур*, в результате чего наиболее влиятельное сообщество (цивилизация) получило возможность диктовать уклад жизни, особенно молодому насе-

нию, что отчетливо проявилось в поп-культуре. В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны этот феномен наиболее ярко воплотился в сфере музыки, моды, развлечений и эстетического восприятия в целом. В Европе наиболее впечатляющим примером распространения тенденции единообразия по англо-американскому (часто называемому западным) образцу стала эволюция песенного конкурса «Евровидение» — от праздника разнообразия национальных культур до скучной демонстрации гомогенности западной поп-музыки, по большей части с переведенными на английский язык текстами.

Нивелирование отличительных черт этнических традиций на нашем континенте стало ценой американизации (или вестернизации) в период, который называют «американским веком». Этот процесс еще более ускорился в *однополярной обстановке* после окончания Второй мировой войны. Уже в 1941 году во время Второй мировой войны Генри Р. Люс в своей программной статье для журнала “Life” определил основы того, что в настоящее время составляет глобализацию, но началось как проект переделки мира по американскому образцу. Он в декларативном тоне заявил, что впервые в истории человечества наш мир стал фундаментально неделимым⁴, а также выделил четыре сферы жизни, в которых будет реализован американский взгляд на мир: экономика (в том, что касается свободы всемирной торговли), технологии, искусство и гуманитарное право⁵. Важно понимать, что эта декларация на раннем этапе возникла как оценка военного превосходства, иносказательно обозначенного как необходимость обороны⁶. Данный аспект позже стал доминирующим при рассмотрении роли культуры в мировом порядке, где она описывалась как «мягкая сила»⁷. Каким бы способом ни оправдывалась эта роль, суть в том, что наиболее сильная (то есть имеющая наибольшую власть) культура доминирует над другими.

2. Независимо от вышеописанной динамики глобальных взаимосвязанностей, подкрепленных военным влиянием, тенденция к культурному единообразию также была базовым элементом *технологической цивилизации*. Технические процессы (в соответствии с организационными, логистическими или рационализаторскими требованиями производства) оказывали все большее влияние на культурные представления. Это привело к своего рода *функционализации* жизненного мира под влиянием принципов рационализации, а не эстетики или нравственности. *Инструменты* экономического обмена и социального взаимодействия начали жить собственной жизнью. Такого рода функционализация, ориентированная на математическую (техническую) форму, является *универсальной*, а не присуща какой-либо одной культуре. В эпоху технологий

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), почетный профессор Университета Инсбрука, бывший председатель Института философии, доктор философии. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель правосудия?», «Мировой порядок: видение и реальность» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета. Почетный профессор Университета Памуккале (Турция). Член консультационного совета Академии культурной дипломатии (Берлин, Германия).

² Подробнее см.: Köchler H. Philosophical Aspects of Globalization: Basic Theses on the Interrelation of Economics, Politics, Morals and Metaphysics in a Globalized World // *Globality versus Democracy? Studies in International Relations* / ed. H. Köchler. Vienna: International Progress Organization, 2000. Vol. XXV. P. 3–18.

³ Термин был введен для описания множественности человеческих представлений о мире — в отличие от единообразия абстрактного («объективистского») подхода (Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Ergänzungsband: Texte aus dem Nachlass, 1934–1937 // Husserliana. Dordrecht: Kluwer, 1993. Vol. 29).

⁴ Luce H. R. The American Century // *Life*. 1941. 17 Febr. P. 64.

⁵ Ibid. P. 65.

⁶ “We got in via defense” (Luce H. R. Op. cit. P. 62).

⁷ Nye Jr. J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004.

взаимозависимость между техническим развитием и процессами глобализации стала одним из определяющих факторов мирового порядка. В то время как технологическое развитие подпитывало процесс экономической и социокультурной глобализации, все усложняющиеся взаимозависимости и синергии в глобальном мире обусловили дальнейшее ускоренное развитие технологий.

Такая взаимозависимость также послужила важным фактором социальных изменений, которые во многих регионах мира подразумевали социальную и политическую нестабильность. Еще одним следствием дестабилизации стало вышеупомянутое возникновение «гибридных культур» и даже «гибридной культурной идентичности» (если можно использовать термин, сочетающий противоположные по смыслу понятия) с западными культурными тенденциями в качестве общего знаменателя. Все это проявляется в растущем доминировании *одного* языка над другими: очевидно, что английский язык стал играть роль *lingua franca* (универсального языка).

В то время как культура под воздействием технологий и глобализации несомненно становится все более гибридным явлением, *диалектика культурной идентичности*¹ учит нас тому, что этот процесс не является необратимым и, конечно, более сложен, чем признают провозвестники нового мирового порядка под эгидой западной *Leitkultur* (ведущей культуры). Сила действия, навязывающая единообразие жизненных миров (в плане конкретных культурных феноменов, представлений о мире, систем ценностей, форм политической организации и вариантов образа жизни в целом), создает *силу противодействия*. Этот эффект отчетливо проявился в ходе военных интервенций, ложно именуемых гуманитарными, после окончания эпохи биполярного мирового порядка, а также в более ранних действиях колониальных держав². На протяжении всей истории человечества механизм *действия и противодействия* определял процессы формирования культурной идентичности. В нашей более ранней работе, в которой анализировалась роль культуры в системе мирного существования, мы описывали данный феномен как диалектику культурного самосознания³. Признаки диалектики еще более выражены в условиях современной глобализации, характеризующейся наличием множества взаимодействующих факторов на разных уровнях социального действия и культурного сознания. Можно также предположить, что известное столкно-

вение цивилизаций по сути является следствием воздействия сил, направленных на отрицание фундаментально диалектической природы культурной идентичности⁴.

В среде технологической и глобальной цивилизации, которая, следуя логике культурного империализма, провозглашает себя в качестве *общего знаменателя* всех национальных культур — в «глобальной деревне», как выразился Маршалл Маклюэн⁵, — условия, в которых развивается и утверждает себя культура (культурная идентичность), создают много проблем для любого сообщества и всех без исключения национальных государств. Здесь можно привести несколько характеристик «существующего положения вещей в сфере культурной самореализации» в условиях глобализации⁶:

— **одновременность** существования жизненных миров. В глобализованной среде одновременность существования культур, то есть их постоянное присутствие в жизненном мире друг друга, стала определяющей характеристикой культурной идентичности, что многими воспринимается как угроза;

— **взаимодействие** как необходимое условие самореализации. Ни индивидуум, ни сообщество не могут устраниваться от внешнего влияния, иначе им грозит маргинализация в глобальной силовой игре;

— **многомерность** взаимодействия. Одновременность существует не только на *глобальном*, но и на *локальном* (внутригосударственном) уровне (один уровень пересекается с другим). С этим связаны *проблемы и риски* мультикультурализма;

— **постоянное самоутверждение** (а именно неизбежность отстаивания культурной идентичности) является прямым следствием вышеперечисленных факторов, а также постоянным источником конфликта и нестабильности на локальном, региональном и глобальном уровнях, но предполагает возможность установления нового баланса сил в двух последних областях;

— **непредсказуемость** в связи с отсутствием глобального баланса сил вследствие того, что доминирующий игрок претендует на культурное — или, в более общем плане, цивилизационное — господство. Подавляющее влияние одной из систем, провозглашающей себя парадигмальной или необходимой цивилизацией⁷, несет риск запуска цепной реакции «столкновения цивилизаций» — именно такой сценарий разворачивается в настоящее время (после окончания глобальной биполярности) в Ближневосточном регионе.

На этом фоне неизбежной взаимозависимости и борьбы за влияние главной остается проблема *стойкости* культуры (то есть способности к отстаиванию

¹ См. также: Köchler H. Culture and Empire: The Imperial Claim to Cultural Supremacy versus the Dialectics of Cultural Identity // Köchler H. Force or Dialogue: Conflicting Paradigms of World Order: Collected Papers / ed. by D. Armstrong. New Delhi: Manak Publications, 2015. P. 263–273. (Studies in International Relations. Vol. XXXIII).

² См. подробнее в анализе автора: Köchler H. Civilization as Instrument of World Order? The Role of the Civilizational Paradigm in the Absence of Balance of Power // IKIM. Journal of Islam and International Affairs. 2008. Vol. 2, № 3. P. 1–22.

³ Köchler H. The Cultural Self-comprehension of Nations (Introductory remarks, fundamental considerations, structuring of Problems) // International Progress Organization. Innsbruck: International Progress Organization, 1974. P. 10–15. См. также: Cultural Self-comprehension of Nations. Studies in International (Cultural) Relations / ed. H. Köchler. Tübingen; Basel: Erdmann, 1978. Vol. I.

⁴ О понятии «столкновение цивилизаций» см.: Köchler H. Clash of civilizations // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Social Theory / ed. B. S. Turner [et al.]. Chichester, West Sussex (UK): Wiley Blackwell, 2017.

⁵ “As electrically contracted, the globe is no more than a village” (см.: Understanding Media: The extensions of man. L.; N. Y.: Routledge Classics, 2001 (first published: 1964). P. 5).

⁶ См. подробно в авторском анализе “The Philosophy and Politics of Dialogue” (Culture and Dialogue. 2011. Vol. 1, № 2. P. 5–19).

⁷ См. критический анализ данного притязания в отношении США: Walt S. M. The Myth of American Exceptionalism // Foreign Policy. 2011. 11 Oct. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/the-myth-of-american-exceptionalism>

культурной идентичности) в технологической глобализованной среде, где доминирующий глобальный игрок усиливает структурное давление в целях достижения единообразия. Одной из основных проблем в этом контексте становится *религиозная идентичность*. Может ли западный секуляризм в конечном счете «нейтрализовать» религию, как это, по всей видимости, произошло в большинстве стран Западной Европы, или возможно существование адаптированных версий религии, позволяющих совмещать отстаивание религиозной идентичности и наличие современного светского государства? Эта проблема станет основной в отношениях между Западным и мусульманским миром, в то время как ответ на этот вопрос поможет обеспечить социальную и политическую стабильность не только на значительной части территории Ближнего Востока, но и в европейском Средиземноморском регионе.

II. Культура и мировой порядок

Анализ динамики культурной идентичности в современной глобальной среде обуславливает постановку более общего вопроса о мировом порядке: каковы роль культуры в мирном сосуществовании государств и риски использования культуры как инструмента политического воздействия в глобальном «концерте великих держав»?

Как мы уже отмечали, **культура** (а точнее, культурная идентичность) является *диалектическим* явлением. Культуру нельзя трактовать как неизменную субстанцию, задающую представление индивидуума или сообщества о себе и мире в рамках строго определенных параметров. Культура постоянно реформируется в процессе взаимодействия с другими культурами, особенно в эпоху глобализации. Культурная *идентичность* не является статичной, это процесс, растянутый в пространстве и времени, порождающий непрерывный поток представлений о мире — «жизненных миров» — в истории человечества.

Мировой порядок — это баланс отношений между государствами, людьми и культурами (или цивилизациями в универсальном смысле) в текущий момент истории. В эпоху глобализации мировой порядок представляет собой постоянно усложняющуюся систему взаимодействия и правил. В идеале в ходе такого взаимодействия должен сложиться *баланс сил*, но зачастую исторически, как и в текущий переходный период, ситуация характеризуется его отсутствием¹.

В последнем случае, то есть в отсутствие баланса сил, позиция культуры в глобальной игре сил отличается *хрупкостью* и *уязвимостью*, а также значимостью и *незаменимостью*, в наше время это проявляется в обеспечении перехода от однополярного к мультиполярному порядку. Только последний обеспечивает стабильное и мирное сосуществование множества действующих лиц — государств и народов — в нашей «глобальной деревне».

¹ О динамике силового взаимодействия между государствами см.: Köchler H. The Politics of Global Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.

В однополярной системе дисбаланс власти эксплуатируется доминирующим игроком в целях «канонизации» собственной позиции, что практически неизбежно с точки зрения психологии власти. На протяжении истории господствующие державы отрицали диалектику культурной идентичности двумя способами²:

а) *культурным эксклюзивизмом*. Господствующие державы стремятся «цивилизовать» подчиненные им государства путем навязывания своего представления о мире и системы ценностей, подвергая небольшие культуры маргинализации или стигматизируя их как примитивные. Претензии на культурную универсальность — а фактически исключительность — типичны для имперского государства, особенно для самовосприятия колониальных империй. Это наиболее отчетливо проявляется в случаях, когда державам удавалось установить глобальное господство в мировом масштабе;

б) *инструментализацией культуры*. В то же время доминирующий игрок во многих, хотя и не во всех, случаях использует собственную культуру в качестве инструмента *легитимизации* своего господства (что было очевидно в случае так называемых «гуманитарных интервенций» после окончания холодной войны)³. Эта *идеологическая* стратегия реализуется совместно с вышеописанной тенденцией к *культурному единообразию*.

Следует также задуматься о том, возможно ли (и если да, то в каком смысле) рассмотрение или описание культуры в качестве сущностного *элемента власти*, что наблюдается в случае реализации вышеупомянутой концепции «мягкой силы» в современных международных отношениях⁴. Адекватно ли восприятие культуры как *одного* из аспектов силовых отношений, которые с точки зрения государств и мирового порядка подразумевают использование вооруженных сил в качестве крайней меры воздействия?

Каковы бы ни были ответы на вопросы о структурных взаимоотношениях, или взаимозависимостях, между *культурой* и *властью*, а также об их значении для международной системы, *диалектика культурной идентичности* в той или иной форме будет проявляться всегда. В условиях неравного распределения власти и социальной несправедливости — как субъективной, так и реальной — насильственное установление культурной парадигмы, ее распространение в качестве *универсального* стандарта могут спровоцировать реакцию *сопротивления* и привести к формированию нового *самосознания* у тех, кому предлагается адаптироваться к доминирующей культуре.

Развитие данного процесса наблюдалось в период деколонизации начиная с 1960 годов, особенно на Аф-

² См. подробно в анализе автора “Culture and Empire” (Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I).

³ См. обобщенный анализ этой практики: Köchler H. The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of “Just War” Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations. Vienna : International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI.

⁴ См. критический анализ концепции Джозефа Ная (Nye Jr. J. S. Op. cit.): Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33 (3). P. 477–493.

риканском континенте, где такие интеллектуалы и лидеры, как Франц Фанон, Эме Сезер и Леопольд Седар Сенгор (первый президент Сенегала и один из разработчиков философской теории *негритуда*), напомнили Европе, в частности, о ее культурном высокомерии и указали на ключевые проблемы культурного отчуждения между колонизирующим и колонизируемым миром¹.

В последние десятилетия динамика культурной идентичности отчетливо наблюдалась в отношениях между мусульманским и западным (обобщая, можно сказать «светским») миром, хотя и в ином смысле — сотрясающем основы мирового порядка и подвергающем сомнению устоявшуюся парадигму мирного сосуществования. Возникновение движений исламского фундаментализма, как суннитских, так и шиитских, ознаменовало рост культурного отчуждения, часто усугубляемого конфликтами интересов и геополитическими притязаниями. Важно подчеркнуть, что так называемое «столкновение цивилизаций» по большей части является *последствием* столкновения интересов на геополитической арене².

Одним из наиболее опасных событий в этом контексте стала Исламская революция 1979 года в Иране. Масштабное движение, не воспринимаемое всерьез экспертами за пределами страны, в конечном счете одержало верх над монархом, который, будучи союзником некоторых наиболее могущественных держав, считал себя неуязвимым и высокомерно читал европейским лидерам наставления о политической стабильности и искусстве управления государством. К последним новостям в этой области (хотя и идеологически мало напоминающим события в Иране почти четыре десятилетия назад) относится создание так называемого «Исламского государства» в ходе разрушения государственной системы в Ираке, Ливии и частично в Сирии, с далекоидущими последствиями для всего арабского и мусульманского мира: Египта, Туниса, Мали, Нигерии, Балканского полуострова и даже острова Минданао (Южные Филиппины). Независимо от организационной формы и фактического статуса с точки зрения управления и территориального контроля это новое движение мыслит себя как *противопоставленное (антитезис)* западной (светской) цивилизации. Истоки его влияния — не только в *отчуждении* суннитов в Ираке и Сирии (после событий 2003 и 2011 гг. соответственно) и в многовековом конфликте между суннитами и шиитами, но и в глубоком чувстве культурного унижения, накопившемся за десятилетия колониального попечительства и иностранного, преимущественно западного, господства в регионе фактически со вре-

¹ См., например: *Fanon F. The Wretched of the Earth* (1961) / transl. from the French by R. Philcox ; with comment. by J.-P. Sartre, H. K. Bhabha. N. Y. : Grove Press, 2004. Ср. также более «герменевтический», примиряющий подход Леопольда Седара Сенгора, президента Республики Сенегал, в предисловии: *The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications* / ed. H. Köchler. Guildford (Surrey) : Guildford Educational Press, 1980. P. vii–ix. (Studies in International Relations, vol. III).

² См.: *Köchler H. Clash of Civilizations* // *The New International Economic Order: Philosophical and Socio-cultural Implications* / ed. H. Köchler. Guildford (Surrey) : Guildford Educational Press, 1980. (Studies in International Relations, vol. III).

мен распада Османской империи в конце Первой мировой войны³. Эти события до сих пор существенно влияют на изменение регионального соотношения сил, а также спровоцировали ряд событий, которые в настоящее время мы наблюдаем уже в Европе⁴. Миграционный кризис — одновременно с кризисом мультикультурализма внутри европейских национальных государств — является одним из наиболее серьезных последствий⁵.

Как убедительно демонстрируют эти и многие другие примеры, претензии на культурное превосходство, подкрепленные традиционным силовым воздействием, могут породить встречные претензии или новую, более радикальную форму культурного эксклюзивизма. Попытки «перевоспитания» или «модернизации» в который раз оказываются неэффективными в долгосрочной перспективе. Это особенно справедливо по отношению к религиозным верованиям — одному из определяющих факторов культурной идентичности. Этот урок необходимо усвоить тем глобальным игрокам, которые только начинают воплощать стратегию экспорта собственной культуры во имя универсальных ценностей. Как справедливо доказывает Эми Чуа, даже наиболее влиятельные мировые империи не были застрахованы от изменений культурной идентичности. Только те из них, кто был готов *включить* в свой состав культуры и религии, существовавшие на территории их господства, принять и интегрировать отдельные варианты идентичности, вместо того чтобы пытаться *исключить* и в конечном счете истребить их, смогли сохранить свое господство и гарантировать стабильный долговременный (часто многовековой) порядок⁶. История радикальных подходов эксклюзивизма, напротив, почти всегда была предрешена и заканчивалась крахом. Судьба немецкого фашизма в конце Второй мировой войны — один из примеров.

Справедливый стабильный мировой порядок требует взаимного уважения между культурами и цивилизациями, что особенно актуально в эпоху *глобальной взаимосвязанности*. Культуру нельзя делать *инструментом* мирового порядка либо инструментом, позволяющим добиться *повиновения* более слабых. Культуру необходимо принять как *своеобразное выражение идентичности сообщества* на основе *обоюдности*⁷. *На международном уровне пренебрежение этим прин-*

³ Относительно культурного отчуждения от ислама в качестве приоритетного направления утверждения идентичности см. анализ автора «Using History to Understand Muslim-Western Relations and the ‘Arab Spring’» («Исторический анализ отношений между мусульманским и западным миром и “арабской весны”»), опубликованный в: *Fletcher Forum of World Affairs. The Fletcher School / Tufts University, Medford, Massachusetts, USA. 2013. 1 May. URL: http://www.fletcherforum.org/2013/05/01/kochler*

⁴ О более широких геополитических последствиях см. также: *Brzezinski Z. Toward a Global Realignment* // *The American Interest*. 2016. July-Aug. Vol. 11, № 6. P. 1–3.

⁵ *Köchler H. Mass migration and state failure — legal, political and cultural aspects of the refugee crisis* // *Current Concerns*. Zurich, 2016. 10 Oct. № 21/22. P. 5–12.

⁶ *Chua Amy. Day of Empire: How Hyperpowers Rise to Global Dominance — and Why They Fail*. N. Y. : Doubleday, 2007.

⁷ О важности этого принципа в области зарубежной политики см.: *Köchler H. Cultural Diplomacy in a World of Conflict* // *Current Concerns*. Zurich, 2018. 22 Jan. № 2. P. 1–4.

ципом может вызвать ряд агрессивных усилий самоутверждения со стороны игнорируемых сторон, которые будет трудно пресечь. Попытки воссоздать другие культуры в образе доминирующей культуры всегда будут самообманом. Никто не может отменить историю и навязать свою парадигму остальному миру. Мир довольно быстро отошел от деклараций о конце истории после завершения холодной войны¹.

Стабильный мировой порядок требует баланса сил в широком смысле (включая политику, экономику и культуру). В XXI веке в условиях глобализации мир может быть только мультиполярным, основанным на системе правил, согласованных между независимыми нациями. Суверенное равенство государств должно быть дополнено суверенным равенством культур и цивилизаций, если мир хочет избежать «культурных войн», которые всегда несли с собой риск затяжного конфликта². Естественно, принцип равенства не может

быть установлен и реализован без обоюдности (взаимного уважения), а принцип толерантности — между теми, кто ее отвергает³. При установлении культурной идентичности не должно быть внутренних противоречий. С этой дилеммой сталкивается мир, когда культурные парадигмы исключают друг друга во имя универсальности.

Так, мудрое государственное управление в мировом масштабе предполагает избегание действий, которые могут запустить механизм агрессивного отставания идентичности любым этносом или государством⁴, — трудно представить более сложную и деликатную задачу в современном мультикультурном мире⁵. Мировой порядок — и мир как его идеальное состояние — в конечном счете также функция культуры, что подразумевает взаимное уважение между разными формами выражения коллективной идентичности. Отрицание этой истины может вызвать глобальный беспорядок.

¹ Fukuyama F. The 'End of History'? Debate // Dialogue. 1990. Vol. 98 (3). P. 8–13. См. также: Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press : Maxwell Macmillan International ; Toronto : Maxwell Macmillan Canada, 1992.

² Так называемая глобальная война с терроризмом грозит стать одной из затяжных.

³ Это справедливо в отношении групп, которые в настоящее время собрались под знаменами «Исламского государства».

⁴ Инициатива «Альянс цивилизаций» ООН, предложенная совместно Турцией и Испанией, — шаг в верном направлении. «Альянс» был учрежден в 2005 году и воплощает на практике призыв президента Ирана Мохаммада Хатами к диалогу между цивилизациями (2001) в соответствии с инициативой Генерального секретаря ООН.

⁵ Термин «мультикультурный» здесь обозначает уровень международных отношений. Мультикультурная реальность на глобальном уровне не обязательно означает мультикультурализм на внутригосударственном уровне.